

© 1994 г. ГУРЕВИЧ В.В.

УКАЗАТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Достаточно известна важная роль указательных (анафорических и катафорических) элементов как средства связи частей предложения и текста. Ниже будет рассмотрено содержательное соотношение связи этого типа с иными видами синтаксической связи (валентная связь слов в словосочетании, союзная и бессоюзная связь в сложном предложении и тексте).

Вполне очевидно, что валентность слова определяется некоторыми особенностями его лексического значения – явно ощутимой семантической “недостаточностью”, требующей контекстного уточнения. Иными словами, в значение слова, обладающего обязательной валентностью, должна входить информация об ожидаемом окружении данного слова. Так, переходный глагол со значением созидания означает “сделать так, чтобы возникло то, что будет названо в окружающем тексте”. Следующее далее в тексте дополнение к глаголу как раз и конкретизирует выделенный выше указательный компонент глагольного значения. Подчеркнем, что, с одной стороны, истолковать подобный глагол без упоминания создаваемого объекта невозможно, и, следовательно, объект как бы включен в само называемое действие. С другой стороны, из толкования глагола еще не ясно, какой именно объект будет далее назван, и, следовательно, в глагольное значение включена не номинация объекта (информация о его признаках), а лишь сообщение о том, что номинация будет дана где-то в тексте, т.е. лишь у к а з а т е л ь н ы й, катафорический компонент.

Естественно, что в тех случаях, когда в глагольное значение включена сама номинация объекта или иного актанта, глагол лишается соответствующей валентности. Так, глагол *лгать* “говорить неправду” не имеет прямого дополнения, поскольку объект сообщения (“неправда”) уже назван в значении глагола; глагол *обнародовать* лишен косвенного дополнения с адресатным значением, поскольку адресат (“народ”) включен в значение глагола и т.д.

Нетрудно видеть, что при семантическом толковании каузативного переходного глагола его поверхностная объектная валентность преобразуется на глубинном уровне в валентность субъекта при более простом предикате, обозначающем результат каузации, – *Х создал У* означает: “Х сделал так, что возник У”. Эта семантическая сводимость различных актантных значений (семантических ролей) к глубинной субъектной роли (подмеченная еще А. Вежбицкой [1]) свидетельствует о едином семантическом устройстве всех валентных связей. В этом – семантическом – плане связь подлежащего со сказуемым не отличается от иных валентных связей в словосочетании: все они базируются на катафорической отсылке, включенной в значение образующего валентность предикатного слова.

Обратим теперь внимание на то, что и части сложного предложения также соединяются на основе валентной связи. Наиболее наглядна в этом отношении связь частей в сложносочиненных “нерасчлененных” предложениях (“одночленных”, в терминологии Н.С. Поспелова, впервые четко разграничившего два типа сложных предложений по “логической”, т.е. семантической, членимости [2]). В них придаточная часть, если использовать более современную терминологию, заполняет валентность какого-либо слова в главной части – объектную или субъектную валентность предиката,

выраженного знаменательным словом в главной части изъяснительных предложений (сказал, что...; бывает, что... и т.п.), или валентность второго члена отношения при предикате сравнения в прикомпаративных предложениях (лучше, чем...). Связь частей в этих случаях, как и в словосочетании, создается катафорическим компонентом в значении предикатного слова (глагола, прилагательного), причем этот компонент нередко получает здесь уже открытое выражение в виде указательного местоимения в поверхностной структуре (ср.: *сказал о том, что...*).

Менее явно тот же тип связи представлен в предложениях с атрибутивным придаточным. Обычно такое придаточное рассматривается как факультативный распространитель опорного существительного в главной части [3], т.е. заполнитель факультативной валентности существительного. Однако следует обратить внимание на то, что определенительное придаточное, как и прилагательное или иное определение в словосочетании, с семантической точки зрения представляет собой предикат (сообщает о признаке предмета), субъектная валентность которого и заполняется существительным в главной части. Действительно, в сочетании *летающая птица*, как и в *птица, которая летит*, не существительное создает валентную связь, а предикатный элемент (*лететь*), требующий назвать субъект, которому приписывается данный признак [4]. Таким образом, атрибутивная связь своеобразна в том плане, что формально главный член (существительное) выступает здесь заполнителем валентности формально зависимого члена (определения, определительного придаточного).

На том же принципе строится и связь в местоименно-соотносительных предложениях. В семантическом плане они представляют собой аналоги либо определения (*тот, кто = тот человек, который; там, где = в том месте, в котором*), либо качественно-обстоятельственного слова (*настолько... насколько; так... как* и т.п.). В последнем случае мы имеем дело с предикатом "второго порядка", актантом которого также является предикат; выражения со значением признака действия, степени качества требуют назвать в окружающем тексте (в главной части предложения) то действие или качество, которое они характеризуют. В частности, в выражении *сделал так, как мог* валентность всего блока "придаточное + соотносительное местоимение в главной части" заполняется глаголом, в выражении *настолько лучше, насколько возможно* — наречием (в сравнительной степени).

В целом, следовательно, для атрибутивных и местоименно-соотносительных предложений обнаруживается необычное направление валентной связи: член главного предложения в этих случаях заполняет валентность придаточного (или всего блока "придаточное + соотносительное местоимение в главной части"). Принцип же семантической связи (валентная, т.е. катафорическая связь) одинаков с рассмотренными выше случаями.

В отношении "расчлененных" сложноподчиненных предложений ("двучленных", по Н.С. Поспелову) принято считать, что придаточное в них распространяет не какое-либо слово в главной части, а всю главную часть (присоставная связь, в отличие от присловной в нерасчлененных предложениях) [3, § 1564]. Следует, однако, обратить внимание на то, что связь частей создается здесь значением семантического (не опустошенного) союза — причинного, временного, условного и т.д. Такие союзы выражают определенные отношения между событиями и, следовательно, представляют собой предикат со значением отношения (причинного, временного и т.п.). Предикат же отношения обладает всегда двумя обязательными валентностями, которые и заполняются двумя частями сложного предложения: что есть причина чего; что одновременно с чем и т.д. Таким образом, в этом типе сложных предложений связь также основана на валентности слова, и особенность их лишь в том, что таким словом является союз, на валентности которого "навешиваются" и главная, и придаточная часть [схематически предложение типа *Так как он был болен, он не вышел на работу* означает "То, что названо в первой части (его болезнь), послужило причиной того, что названо во второй (его отсутствие)"]. Иными словами, хотя придаточное действи-

тельно связывается здесь определенным отношением со всей главной частью, все же связь и в этом типе предложений присловная, но при этом слово, создающее валентную связь, является служебным, не входящим ни в одну часть предложения.

Обращаясь к сложносочиненным предложениям, отметим прежде всего, что союз в них также выражает некоторые отношения между событиями (или высказываниями), а следовательно, содержит предикат, валентности которого заполняются частями сложного предложения. Так, союзы *а*, *но* сообщают о противопоставлении высказываний: *Я его пригласил, а* (= “называемое далее противопоставлено названному в первой части”) *он не пришел*. Даже наименее конкретный по семантике союз *и* все же выражает некоторую связь высказываний (“без всякой характеристики соединяемых элементов или их смысловых отношений” [3, § 1498]), т.е. какое-то (пусть не очень ясное) отношение, членами которого выступают части сложного предложения. Как известно, в конкретном контексте оно может интерпретироваться как отношение тождества, сходства, ср.: *Отец у меня моряк, и* (= “с первым сходно второе”) *дед был связан с морем* либо как причинно-следственное отношение, ср.: *Я нажал на дверь, и* (= “в результате этого”) *она поддалась* и т.д.

Существенной особенностью сочинительных союзов является анафорическая заполненность их левой валентности. В общем виде такие союзы означают “То, что было названо ранее”, связано определенным отношением с тем, что будет названо далее”; иными словами, они содержат анафорическую отсылку к ранее сделанному высказыванию. Именно этим, на наш взгляд, обусловлена фиксированная интерпозиция сочинительного союза: одно из высказываний всегда предшествует появлению союза, который опирается на это высказывание, как бы повторяя его анафорически. В отличие от этого, подчинительный союз может стоять и в начале предложения, поскольку он не требует опоры на уже произнесенное высказывание. Напомним, что важность этого позиционного признака для разграничения сочинения и подчинения отмечал еще А.М. Пешковский [5]; мы лишь пытаемся дать здесь семантическое обоснование этого, на первый взгляд, весьма формального признака [6].

Анафора содержится и в значении таких (более близких к сочинению, чем к подчинению) средств связи, как местоименные аналоги союзов: *поэтому* (= “по ранее названной причине”), *потом* (= “после ранее названного события”), *следовательно* (= “из ранее сказанного следует”) и т.п. По-видимому, именно анафорическая заполненность левой валентности и создает представление о самостоятельности, независимости первой части во всех подобных предложениях: эта валентность сочинительного союза (или его аналога) как бы “закрыта”, уже заполнена анафорическим компонентом типа “это”, “то, что было названо ранее”, и, таким образом, само по себе первое (уже произнесенное до появления союза) предложение не выступает как нечто требующееся значением союза. Подобная самостоятельность невозможна при катарфорическом указании, создающем валентные связи слова: отсылка в таком случае всегда остается незаполненной, “открытой”, требующей конкретизации в тексте, а конкретизирующая ее часть текста всегда воспринимается как непосредственно заполняющая эту валентность. С этой точки зрения, предложение, следующее за сочинительным союзом или его аналогом, является столь же зависимым от союза, подчиненным ему (т.е. требуется союзом и заполняет его правую валентность), как и придаточное предложение, заполняющее валентность подчинительного союза.

В сложноподчиненном предложении главная часть также может оказаться в препозиции к союзу, который в таком случае связывается с ней анафорой, ср.: *Он отсутствовал, так был болен*, что означает: “Он отсутствовал. Причиной этого (= ранее названного события) была болезнь”. Однако если для сочинительного союза анафора в левой валентности есть постоянный компонент значения, то при подчинительном союзе она возникает лишь в результате одного из употреблений и отсут-

ствуется при постпозиции главной части; ср.: *Так как он был болен, он отсутствовал*, где обе валентности союза содержат незаполненный катафорический компонент: *так как* означает здесь “называемые далее события связаны как причина и следствие”. В этой позиции главная часть уже не воспринимается как более независимая, чем придаточная: обе они “предсказаны” союзом и должны заполнить его валентности. Достаточно известно, что главная часть в предложениях с препозицией придаточного традиционно рассматривается как “несамостоятельная по смыслу, а часто и по форме” [7], что особенно очевидно при использовании соотносительных местоимений в обеих частях (*так как ... то; если ... то; когда ... тогда*).

Придаточное предложение всегда находится в постпозиции к союзу и потому не может приобрести той независимости, которая характеризует главную часть в начальной позиции. Следует, однако, подчеркнуть, что фиксирование позиции придаточного (обязательная постпозиция по отношению к союзу) требуется лишь для различения семантических ролей двух частей предложения: в частности, придаточное при *так как* всегда обозначает событие-причину, а не следствие, при *так что* – напротив, следствие, а не причину и т.д. В семантическом же плане нет оснований считать одно из высказываний (или событий) главным, а второе – зависимым. О семантической зависимости можно, по-видимому, говорить лишь с точки зрения направления синтаксической связи: слово или предложение, заполняющее валентность другого слова, представляет собой зависимый, подчиненный элемент, поскольку требуется и предсказывается значением “валентообразующего” слова, которое само вследствие этого выступает как главный, подчиняющий элемент предложения (т.е. требующий появления предсказанного элемента). При этом важно помнить, что возможно несовпадение формально-грамматической и семантической зависимости в поверхностной структуре.

В нерасчлененных сложноподчиненных предложениях придаточная часть зависит от главной в том плане, что она заполняет валентность одного из слов в главной части. В расчлененных предложениях с причинными, временными и т.п. отношениями, с этой точки зрения, зависимы – от союза – обе части, и говорить о независимости главной части от союза можно лишь в случае ее препозиции. При постпозиции главного предложения части различаются уже не по содержательной зависимости/независимости, а по чисто формальному признаку: придаточное есть то, что стоит сразу же после союза, главное – то, что стоит либо перед союзом, либо после придаточного. Содержательное разграничение зависимого и независимого элементов, как и разграничение сочинения и подчинения, базируется прежде всего на противопоставлении анафорической и катафорической связей¹.

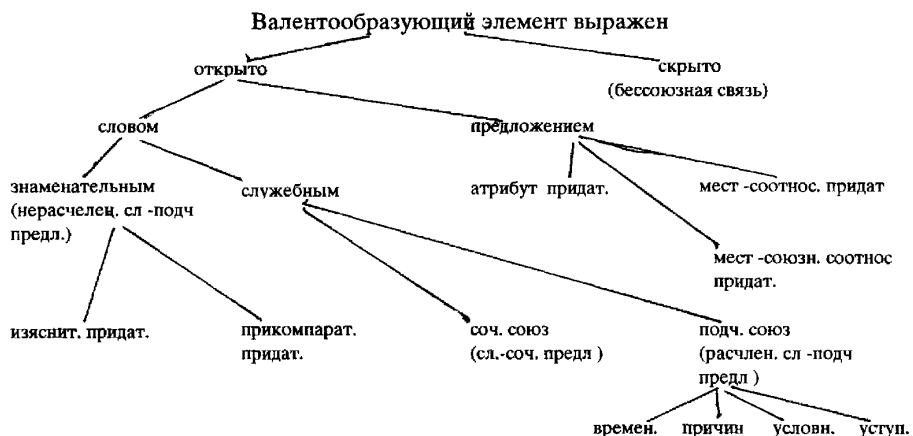
Отношения между частями бессоюзных предложений, как достаточно известно, те же, что в союзных сложных предложениях, и, следовательно, связь здесь устроена аналогичным образом. Своеобразие бессоюзной связи лишь в том, что семантический элемент, валентности которого связывают части предложения, эллиптирован, выражен нелексическими средствами.

В целом можно предложить следующую классификацию сложных предложений, отражающую общий семантический принцип связи частей и различия в способе выражения связующего (валентообразующего) элемента (см. схему ниже). Прежде всего, противопоставляются предложения с лексически выраженным валентообразующим элементом (все типы союзной и соотносительной связи) и предложения, в которых этот элемент лексически не эксплицирован (бессоюзные сложные). Далее в первом типе выделяются предложения, в которых валентообразующий элемент выражен либо словом, либо – предложением (придаточным). Связующее слово в свою очередь может быть знаменательным или служебным. Первый случай представлен нерасчлененными сложноподчиненными предложениями (изъяснительными и

¹О нечеткости формальных критериев разграничения сочинения и подчинения см. [8]

прикомпаративными), второй – расчлененными сложноподчиненными (придаточные причины, времени и т.п.) и сложносочиненными. Общность расчлененных сложноподчиненных предложений и сложносочиненных основана на семантической полнотности союза, который вследствие этого и выступает как валентообразующий элемент (чего нет у опустошенных подчинительных союзов). Различия же здесь связаны с характером указательного компонента в семантике союза: двусторонняя катафорическая связь при семантическом подчинительном союзе и анафоро-катафорическая – при сочинительном. И, наконец, предложения, в которых валентность создается семантикой придаточной части (или целого блока “придаточное + соотносительное местоимение в главной части”), представлены сложноподчиненными предложениями с атрибутивным и местоименно-соотносительным придаточным. Особое, промежуточное положение занимают местоименно-союзные соотносительные предложения (*так... что, настолько... что/чтобы* и т.п.), включающие в свою структуру два валентообразующих элемента: соотносительное местоимение в главной части, обозначающее признак действия или степень качества, создает своей валентностью связь с глаголом или наречием в главной части; придаточное же связывается с самим местоимением благодаря валентности семантического союза, обозначающего причинно-следственные отношения².

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СПОСОБУ ВЫРАЖЕНИЯ ВАЛЕНТНОЙ СВЯЗИ ЧАСТЕЙ

Относительно связи на сверхфразовом уровне нет необходимости доказывать, что в ее основе лежат катафора или анафора, создаваемые значением слов типа *следующий, вышеназванный, этот, он, поэтому, затем* и т.п. Таким образом, все разнообразные синтаксические связи могут быть сведены к единой семантической основе: они создаются указательным семантическим компонентом в значении слова, катафорически или анафорически отсылающим к тому, что будет или было сообщено в окружении этого (валентообразующего) слова. Указательная семантика “то, что будет (было) сообщено”, как нетрудно видеть, содержит свернутое пресуппозитивное высказывание “нечто будет (было) сообщено”, и, следовательно, синтаксическая связь всегда создается введением специального сообщения о наличии такой связи, хотя и представленной в несентенциальном виде.

²Ср. “... местоименно-союзный соотносительный тип имеет контаминированный характер, занимает промежуточное положение между местоименно-соотносительными конструкциями и расчлененными конструкциями соответствующих типов” [9].

Валентная (катафорическая) связь служит для восполнения определенной семантической недостаточности слова, обусловленной тем, что, создавая понятия, мы расчлняем целостную ситуацию, отрываем действие от его актантов, предмет от его признаков и т.д. Следы таких "разрывов" и сохраняются в значении слова в виде указания на то, что актанты у названного предиката имеются и должны быть конкретизированы в окружающем тексте.

Анафора не создает валентных связей и потому может показаться не обязательной для построения отдельного высказывания, а нужной лишь для связи высказываний в тексте. Однако "обслуживание" сверхфразовой связи – лишь наиболее очевидный, но не единственный случай использования анафоры. Следует, в частности, учитывать, что любой вопрос или ответ на вопрос (т.е. простое предложение) содержит, помимо ремы, тематическую часть, т.е. пресуппозицию, анафорически повторяющую некоторое предшествующее утверждение: *Куда он ушел?* = "известно из сказанного ранее, что он куда-то ушел; что *это* за место?" – *В парк* = "**то место, куда, как было сказано ранее, он ушел, есть парк**" (полужирным выделен анафорический повтор прошлой информации в пресуппозициях высказываний). Следовательно, без анафоры невозможно построение даже отдельного простого предложения [10].

Такая общность в строении текста и предложения обусловлена тем, что рематическая и тематическая части предложения представляют собой два (связанных) высказывания: собственно утверждение (рема) и повторение, в виде пресуппозиции, предшествующего утверждения (тема). Из этого следует, что простое предложение в глубинно-семантическом плане само является совокупностью высказываний, т.е. текстом.

Более того, семантика слова, подобно семантике предложения, также содержит тематический и рематический компоненты: ср. хотя бы известные примеры членения семантем типа *холостяк* на пресуппозитивный и асертивный компоненты [11]. В этом смысле можно сказать, что всякая значащая языковая единица есть "текст", а различия между словом, предложением и текстом связаны лишь со способом поверхностного выражения заключенных в них сообщений. Тем самым анафора (как и катафора) оказывается необходимым элементом семантического строения всякой значащей языковой единицы.

Внеязыковым основанием для использования анафоры является наличие общих (тождественных) элементов в самих описываемых событиях. В принципе эта общность может быть выражена и без специальных анафорических средств, т.е. непосредственным повтором слов. Ср. так называемую "лексическую анафору" как стилистический прием: *Приутихли, приуныли реки быстрые, Приутихли, приуныли облака ходячие...* Однако сам по себе такой, неграмматикализованный повтор не сообщает о связи событий, как и о связи высказываний в тексте: события в приведенном примере воспринимаются как реально связанные благодаря скрытому сообщению о тождестве их места и времени (скрытая пресуппозиция "в том же месте, в то же время приутихли"). Единство места и времени, по-видимому, вообще является главным условием для восприятия событий как связанных, и указывающая на него анафора всегда присутствует в связанном тексте, хотя бы в скрытом виде. Важно при этом подчеркнуть, что сообщение о тождестве элементов в двух событиях (а тем самым, и о связи событий), как бы оно ни было выражено, может быть сделано только посредством анафорической отсылки к какому-то предшествующему высказыванию, т.е. не просто повтором информации, а специальным сообщением о том, что имеет место повтор информации. Таким образом, анафора, как и катафора, сообщает не только о том, как устроена отображаемая ситуация, но и о том, как устроен сам текст. Иными словами, синтаксическая связь всегда создается введением метатекстовых единиц [12], которые либо напоминают о том, что было сказано ранее, либо предвещают то, что будет сказано далее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wierzbicka A* Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
2. *Поспелов Н С* О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. М., 1950.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. § 1543.
4. *Гуревич В.В.* Существует ли факультативная валентность? // ФН. 1992. № 1.
5. *Пешковский А М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 464.
6. *Гуревич В В.* О текстовом дейксисе // Грамматические категории в тексте. М., 1985.
7. *Крючков С Е , Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1977. С. 112.
8. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. § 2756.
9. *Максимов Л Ю* Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1971. С. 26.
10. *Гуревич В.В.* Модальная актуализация смысловых компонентов предложения и слова // ФН. 1985. № 2.
11. *Fillmore Ch.* Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. V. 10. Dordrecht, 1969.
12. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.